

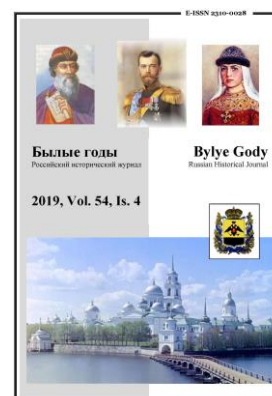
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1554-1564. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1554
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Main Trends of Anglo-American Historiography on the Decembrist Movement

Mikhail S. Belousov ^{a,*}, Tatiana V. Lebenkova ^a, Daria B. Pushkina ^a

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

This article examines the main trends of Anglo-American post-World War II scholarly articles on the Decembrists movement. The analysis of this historiography fills in the gap in the literature. Soviet/Russian researchers have examined in detail both the fundamental plots of the day of the uprising, the investigation of the Decembrists' case and the domestic political problems of Russia in the first quarter of the 19th century, the issue of serfdom, etc. However, there is a lack of analysis of the specific features of Anglo-American scholarly articles on the Decembrist movement. In the USSR/Russia since the 1940s, the Stalinist revolutionary concept of Decembrist movement was adopted and for many years its main points were not disputed. Our analysis shows that the development of Anglo-American historiography of the Decembrists movement took decisively different direction. Anglo-American writers were not ready to admire the unequivocal revolutionary nature of the movement. Their studies represented diverse methodological approaches, often resulting in multi-disciplinary analysis, for example, combining historical and philological approaches. Naturally, these tendencies in the literature can be partially explained by the meager access to archival materials for the foreign scholars. However, our article notes that the multi-disciplinary trends of Anglo-American post-war historiography on the Decembrists movement as well as their evaluation of the movement through the lens of social movements, are worth to examine, especially in the light of new studies of the Decembrists movement in Russia.

Keywords: Anglo-American historiography, sociopolitical movements, the Decembrist societies, the Decembrist revolt, Decembrists, émigré-historians.

1. Введение

В статье рассматривается вопрос о направлениях развития зарубежной англоязычной историографии движения декабристов. Важность обращения к этой тематике на страницах российского журнала сложно переоценить. Казалось бы, давно в прошлом остались времена, когда целенаправленно по идеологическим причинам игнорировались целые историографические пласты. Тем не менее, в работах современных декабристоведов зарубежная, и в частности англо-американская, историография либо вовсе не упоминается, либо представлена весьма куце. Не раз на конференциях приходилось слышать, что «никакой серьезной зарубежной историографии не существует».

2. Материалы и методы

Именно этим обстоятельством и продиктована основная цель исследования: по материалам журнальных статей установить основные тенденции англо-американской историографии декабризма. Поэтому методологической основой исследования является принцип историографического анализа, подразумевающий выявление ключевой проблематики и источниковедческой базы рассматриваемых

* Corresponding author

E-mail addresses: m.belousov@spbu.ru (M.S. Belousov), t.v.lebenkova@gmail.com (T.V. Lebenkova), d.pushkina@spbu.ru (D.B. Pushkina)

работ, а также общеисторических и мировоззренческих установок конкретных специалистов. Подобный подход подразумевает использование, с одной стороны, историко-генетического метода, прежде всего при реконструкции трансфера отдельных идей и концепций; с другой стороны, историко-сравнительного метода для сопоставления векторов развития отечественной и зарубежной исторических школ. Безусловно, современное историографическое исследование не может обойтись без приемов контент-анализа, подразумевающего в данном случае сплошной просмотр основных западных исторических журналов, и элементов дискурс-анализа при интерпретации концептуальных положений отдельных работ.

3. Обсуждение

Декабризм был одним из важнейших явлений мировой интеллектуальной истории. В России в дореволюционный период он изучался в широком контексте событий и проблем истории Запада. Историки систематически обращались к трудам французских и немецких исследователей при разработке отдельных сюжетов. Но в 1940-е годы, как мы уже отмечали ранее, «наступает эпоха «антинорманизма» в историографии движения декабристов: оно признается возникшим на российской почве, под влиянием российских условий и, конечно же, с российской спецификой» (Белоусов, 2019: 1166). С этого момента начинается целенаправленное игнорирование работ западных специалистов по данной тематике, хотя многие из них и нашли отражение в известных библиографических указателях.

При этом в англо-американском научном пространстве происходили достаточно интересные явления. Здесь стоит оговориться, что, в частности, американская историография возникла не на пустом месте, а под существенным влиянием русских историков-эмигрантов. Известный американский историк А. Mazour (Анатолий Григорьевич Мазуренко) – создатель первой обобщающей работы по движению декабристов на английском языке – родился и вырос в Киеве и в возрасте 22 лет эмигрировал в Европу, а затем в США (Vucinich, 1982: 362-364). Другой отечественный ученый – М.М. Карпович, автор знаменитого курса интеллектуальной истории, породил целую плеяду замечательных исследователей русской общественной мысли (Перейра, 2012: 7-23). Творчество же Г.В. Вернадского «демонстрирует тот путь, по которому могла бы пойти дореволюционная историография, если бы не Смута начала XX в.» (Дворниченко, Белоусов, 2017а: 367). Несмотря на то, что научные интересы Г.В. Вернадского после вынужденной экспатриации сместились в сторону древней истории России, тем не менее, вышло несколько переизданий его работ, а также он выступил с серией докладов по декабристской тематике (Дворниченко, Белоусов, 2017а: 358-374; Дворниченко, Белоусов, 2017б: 191-202). Таким образом, как бы это ни было парадоксально, англо-американская историография в период своего становления (1930–1940-е годы) оказалась гораздо ближе к российской дореволюционной историографии, нежели советские исследования тех же годов.

Стоит отметить, что именно указанный аспект (роль историков-эмигрантов) сравнительно хорошо изучен в предлагаемой теме. Но это совсем не отменяет того обстоятельства, что на данный момент отсутствуют серьезные обзоры зарубежной историографии декабризма. Работы иностранных коллег редко используются отечественными историками. Приятным исключением из правил являются лишь монографические исследования, переведенные на русский язык. При этом современный уровень развития библиографических баз данных предоставляет широкие возможности для того, чтобы восполнить эту историографическую лагуну.

4. Результаты

Наверное, анализ конкретных работ следует начать с рецензий на работы советских историков, которые присутствуют на страницах англоязычных журналов. Этот сюжет дает нам возможность, с одной стороны, определить степень востребованности исследований отечественных историков, а с другой – оценить характер восприятия изучения движения декабристов в рамках глубоко идеологизированной методологии учеными, свободными от подобных априорных установок.

Весьма показательна в этом смысле рецензия И. Стоун (Stone, 1953: 187-189), в которой дается обзор сразу нескольких научных трудов советских историков. Автор особое внимание уделяет работам М.В. Нечкиной. Рецензент довольно тонко передает все особенности идеологических колебаний в изучении декабризма, показывая непригодность либерально-буржуазной концепции А.Е. Преснякова и причины критики идей М.Н. Покровского. Именно несогласие со своими предшественниками сыграло ключевую роль в появлении вывода о главной причине провала восстания: ««классовые ограничения» революционного мировоззрения декабристов» (Stone, 1953: 188). Автор рецензии выражает сожаление, что М.В. Нечкина не рассмотрела во взаимосвязи план восстания 14 декабря 1825 г. и планы развития революционного движения, предшествующего ему. Большая часть статьи посвящена оценке работы М.В. Нечкиной «А.С. Грибоедов и декабристы». Здесь, по мнению рецензента, исследователь не упустила ничего, что могло иметь хоть какое-то отношения к изучаемому вопросу, даже косвенных свидетельств. Исследовательница обосновывает свое мнение о том, что А.С. Грибоедов не только разделял убеждения декабристов, но и знал об их планах свергнуть

самодержавный строй, основываясь на его широких контактах с декабристами и разбирая текст комедии «Горе от ума».

И. Стоун обращается также к монографии К.А. Аксенова «Северное общество декабристов». Она отмечает, что работа не является исследованием истории Северного общества, а ее большая часть посвящена опровержению мифа о том, что главным лидером и идейным вдохновителем Северного общества до самого восстания был Н.М. Муравьев. Роль лидера с 1823 г. К.А. Аксенов отводит К.Ф. Рылееву. По мнению И. Стоун, он «склонен переоценивать личную роль Рылеева» (Stone, 1953: 189). Также рецензент анализирует работу В.Г. Базанова «Поэты-декабристы» и освещает ряд документальных публикаций. Может показаться, что статья представляет собой панорамный и неглубокий обзор в силу своей лапидарности. Тем не менее отметим, что рецензенту удалось обратить внимание на ключевой вектор движения советской историографии декабризма 1940–1950 гг.: гипертрофированное стремление придать движению революционный характер и таким образом репрезентовать восстание как первую попытку буржуазно-демократической революции.

Следует обратить внимание на интересный обзор М. Раева монографии С.С. Ланда (Raeff, 1977: 86–87), который вышел спустя два года после выхода в свет исследования в СССР. Рецензент отмечает замечательное оформление книги и хороший научный текст, который включает в себе подробную и противоречивую информацию, предполагающую большое количество версий и суждений. В оценке М. Раева работа С.С. Ланда представляет собой серию эссе, написанных на основе его научной диссертации и посвященных формированию общественного мнения накануне восстания 1825 г.: «Ланда сознательно избегает личностей и групп, которые традиционно принадлежат к движению декабристов» (Raeff, 1977: 86). В работе уделяется внимание политическим воззрениям С. Тургенева, роли князя П.А. Вяземского и др. М. Раев отмечает: «Ланда напрягается, чтобы вписать свой анализ в ленинскую ортодоксальность» (Raeff, 1977: 87). Здесь также следует отметить, что взгляды ленинградского историка находились несколько в стороне декабристоведческого мейнстрима: воспринимая «Союз благоденствия» как организацию либеральную, он был вынужден соглашаться с общепринятой концепцией о ее революционном характере. Именно на эти оговорки и обратил внимание скрупулезный рецензент.

Любопытна рецензия Л. О'Белл (O'Bell, 1979: 265–266) на монографию Л.Г. Фризмана «Литературно-критические работы декабристов». Основной идеей рассматриваемой монографии, по сути, является литературно-критический обзор творчества поэтов-декабристов. Если посмотреть на даты выхода, то монография вышла в 1977 г., а рецензия на нее в 1979 г. По мнению рецензента, декабристы представлены здесь не только как политические революционеры, но и как революционеры литературные, предшественники будущих гражданских литературных критиков. Проблеме «декабристы и внешняя политика» посвящен сделанный Н.В. Рязановским обзор монографии О.В. Орлик (Riasanovsky, 1986: 151–152). Как отмечает рецензент, О.В. Орлик зачастую приводит суждения как единственно верные и непоколебимые. Также «иногда очевидные или банальные взгляды излагаются с помпезностью как драгоценная и новаторская прогрессивная доктрина» (Riasanovsky, 1986: 152). Таким образом, по мнению автора рецензии, суждения в работе советского исследователя достаточно предсказуемы и не являются новаторскими.

Откликом на публикацию избранных трудов Н.М. Дружинина стала рецензия М. Раева (Raeff, 1987: 447–448). Рецензент достаточно большое внимание уделяет сравнению работ Н.М. Дружинина и его, пожалуй, главного научного оппонента М.В. Нечкиной. М. Раев делает несколько замечаний к работе, в число которых входит «слишком простой и жесткий концептуальный словарь, который классифицирует... явления самым неисторическим образом» (Raeff, 1987: 448). Здесь, конечно же, стоит оговориться, что данная публикация включила в себя в основном ранние, относящиеся в 1930-м годам, работы историка. Не удивительно, что исследования, написанные в период формирования сталинской концепции декабризма и отличающиеся явным злоупотреблением понятий экономического детерминизма, вызвали протест американского историка.

Этой тематике посвящена статья Д. Гудинга «Декабристы в Советском Союзе» (Gooding, 1988a: 196–209), в которой рассматриваются работы М.В. Нечкиной и Н.М. Дружинина. Как пишет автор, советская историография была разделена во взгляде на восстание декабристов на два противостоящих лагеря. М.В. Нечкина была сторонницей радикального единого декабризма и усматривала в декабристах первых русских революционеров. Она выработала концепцию «дворянской революционности», согласно которой декабристы были отдалены от народа, нерешительны, испытывали страх перед любым народным участием. Оппонентом М.В. Нечкиной был Н.М. Дружинин, который представлял декабризм как разделенное движение и указывал на существование большого разрыва в идеологическом плане между радикальным П.И. Пестелем и либеральным Н.М. Муравьевым.

Следует также обратиться к довольно запоздалой, но тем не менее любопытной рецензии Д. Харди (Hardy, 1988: 196) на монографию С.Б. Окуня «Декабрист М.С. Лунин». Первое издание этой книги вышло в 1962 г., второе – в 1985 г., а обзор – лишь только в 1988 г. Автор особенно подчеркивает, что исследователем был привлечен большой объем архивных и опубликованных источников. Однако Д. Харди представляется сомнительным тезис о том, что М.С. Лунин был ближе

по идеям к П.И. Пестелю, олицетворявшему Южное общество, чем к Н.М. Муравьеву, отражавшему идеи Северного общества. Рецензент подчеркивает: «Мы видим только политического человека, а не горячего (возможно, даже фанатичного) религиозного человека, которым Лунин на самом деле стал» (Hardy, 1988: 196). Вряд ли с подобной оценкой можно поспорить сейчас: в мастерски написанном биографическом исследовании гипертрофированно акцентированы все те сюжеты, которые создают образ революционера из интереснейшего представителя оппозиции.

Анализ приведенных рецензий дает возможность утверждать, что в целом западные исследователи следили за происходящим в советской исторической науке. Нередко, правда, можно наблюдать значительный временной разрыв между появлением монографии и рецензии, что скорее противоречит англо-американской научной традиции. Содержательно протест вызывало стремление к репрезентации движения декабристов как революционной партии. Причину этого следует искать в истоках англо-американской историографии. Оказавшись под существенным влиянием русских историков-эмигрантов, иностранные исследователи сложно воспринимали революционный поворот в освещении декабризма. Сопоставление выявленных наблюдений с современной отечественной историографией подводит к однозначному выводу: сталинская концепция, сделавшая декабристов первыми революционерами, и тогда на Западе, и сейчас в России воспринималась и продолжает восприниматься как историографический курьез, что вовсе не отрицает гигантского вклада, сделанного советскими историками, в решение источниковедческих задач и введение в научный оборот основного компендиума источников.

Переходя к анализу именно научных статей, отметим предварительно, что и для отечественной, и для зарубежной историографии декабризма одним из наиболее популярных жанров всегда являлась биографика. Серию любопытных работ отечественных специалистов подобной направленности вполне органично дополняют работы англо-американских исследователей.

В статье о П.И. Пестеле А. Адамс особенно отмечает, что это был человек с путанным и часто противоречивым течением мыслей (Adams, 1953: 153-161). В нем сочеталось несочетаемое: абсолютистское желание власти и либералистическое стремление к свободе. Как пишет А. Адамс, порой кажущееся несовместимым сосуществование политических мыслей П.И. Пестеля «является ключом... к реформам, которые он планировал провести в России» (Adams, 1953: 154). На формирование мысли П.И. Пестеля повлияло его изучение политических трудов Макиавелли, Вольтера и др. «Раскол» мысли П.И. Пестеля проявляется в желании создать в качестве государственного строя России сильно централизованную республику.

Статья Дж. Хаскетт «Декабрист Н.А. Бестужев в сибирской ссылке» касается последующей после восстания жизни декабристов (Haskett, 1965: 185-205). Н.А. Бестужев принял участие в восстании, а затем почти 30 лет провел в изгнании, в ссылке в Сибири. На каторге декабрист стремился создать интеллектуальную атмосферу: была организована «Академия», лекции которой посещали многие местные жители. Н.А. Бестужев читал лекции по военно-морской истории и физическим наукам, учил своих товарищей рисованию, изготовлению шкафов и созданию переплета книг. Он превосходно делал ремесленные изделия: обувь, мебель, игрушки, колыбели. «Бестужев считался среди декабристов как товарищ с “золотыми пальцами”» (Haskett, 1965: 191), – отмечает рецензент. Также декабрист писал превосходные портреты своих товарищей, усовершенствовал хронограф, доказал возможность выращивания арбузов и табака в северных широтах, распространил косы среди бурят, написал монографию «Гусиное озеро», где описывал бурятские традиции, обычаи, экономику и т.д. Все эти сюжеты подробно рассматривает автор статьи.

Не менее интересна работа Ф. Уолкера, посвященная жизни и творчеству К.Ф. Рылеева (Walker, 1969: 436-446). К.Ф. Рылеев был поэтом, и поразительным в его творчестве является изображение героя, который готов и жертвует своей личной свободой ради каких-то убеждений. В его стихотворениях явственно делается акцент на сюжете смерти. К.Ф. Рылеев вступил в Северное общество в 1823 году и впоследствии был «душой» движения декабристов. Чтобы спровоцировать товарищей на восстание, он написал ряд стихотворений, в качестве примера автор приводит произведение «Царь наш, немец русский», особенно популярное среди молодых офицеров. К.Ф. Рылеев по своим убеждениям разрывался между конституционной монархией и республикой, верил в демократию и возможность наделения крестьян землей. Далее Ф. Уолкер пишет: «...Нет никаких сомнений в его целостности, его характере, но революция требует большего, чем готовность умереть» (Walker, 1969: 446). Истории идейного раскола посвящена еще одна статья Ф. Уолкера (Walker, 1979: 489-502) о братьях Глинка. С.Н. Глинка был консерваторм, защитником самодержавия и крепостничества, а его младший брат, Ф.Н. Глинка, был декабристом и активным участником Союза Благоденствия. Но что удивительно, представители совершенно различных, крайних точек зрения высказывали зачастую схожие аргументы и мысли. В их творчестве присутствуют «доносы на тиранию», которые «не были в это время подрывными» (Walker, 1979: 493), так как главным тираном в то время выступал Наполеон.

Отражению идей декабристов в литературных произведениях посвящена статья Л. Лейгтона (Leigton, 1980: 171-186). Повесть «Фрегат «Надежда» создана на трех разных уровнях, предназначена для аудитории разной политической активности. «Фрегат «Надежда» является аллегорией и

олицетворяет собой ключевой для декабристов вопрос: «большинство членов не смогли разрешить противоречия между их политическими идеалами и долгом перед государством» (Leigton, 1980: 174). Это, в свою очередь, порождало нехватку преданных, истинных участников в движении декабристов, что явилось, по мнению автора, причиной нерешительности действий в день восстания, 14 декабря 1825 года, и повлекло за собой его подавление. В повести А.А. Бестужев проводит аналогию между судьбами, собственной и главного героя, изображает декабриста с сильными убеждениями, но который не смог справиться с раздирающими его противоречиями. Автор подчеркивает, что в произведении «содержится глубоко скрытое признание его, автора, глубокой вины и выражает ужасную моральную двусмысленность» (Leigton, 1980: 185). Эта же тематика продолжается и в другой работе Л. Лейгтона, посвященной аллюзиям в творчестве А.А. Бестужева и А.С. Пушкина (Leigton, 1983: 351-382). В стихотворениях, по мнению автора, можно увидеть множество различных намеков, например зашифрованных дат и т.д., которые, в том числе, выражают боль по поводу гибели друзей-декабристов. Как пишет автор, А.С. Пушкин и А.А. Марлинский «имели разные обязательства перед заговором декабристов и восстанием 14 декабря 1825 года – Пушкин был попутчиком, Марлинский был лидером движения...» (Leigton, 1983: 353). Намеки и аллюзии, как утверждает Л. Лейгтон, были средством общения друг с другом, с друзьями и современниками.

Достаточно любопытные выводы представлены в статье Д. Гудинга «Сперанский и Батеньков» (Gooding, 1988b: 400-425). Автор утверждает, что М.М. Сперанский был близок к событиям 14 декабря 1825 года, так как находился в дружбе с Г.С. Батеньковым. Когда М.М. Сперанский попал в немилость и был назначен императором Александром I на должность в Сибири, его незаменимым помощником стал Г.С. Батеньков, судьба которого должна была быть нитью, связывающей «сперанскизм» и «декабризм». Позиция будущего декабриста была двойственна, потому что окончательно присоединиться к движению «означало бы уйти из дома, что есть отрицание “сперанскизма”, и тем самым подвергнуть риску его отношения с самим Сперанским» (Gooding, 1988b: 414), которыми он очень дорожил. Поэтому во время следствия Г.С. Батеньков отказался признать себя революционером, выставлял себя пойманным в ловушку людьми, которые хотели использовать его из-за связи со М.М. Сперанским. При рассмотрении дел декабристов М.М. Сперанский многое сделал, выступая «инструментом» наказания, однако за Г.С. Батенькова заступился. Таким образом, невозможно проследить связь между Сперанским и декабристами, но можно увидеть особые отношения между М.М. Сперанским и декабристом Г.С. Батеньковым.

Статья П. О'Мара посвящена жизни и деятельности генерала П.Д. Киселева (O'Meara, 2010: 261-290). Здесь автор на основании писем выстраивает подробности жизни генерала, освещает отношения между ним и декабристами. П.Д. Киселев получил прекрасное домашнее образование, быстро сделал головокружительную карьеру. В 1816 году он подготовил Александру I меморандум «о постепенном искоренении рабства в России». В 1819 году был назначен начальником штаба на службу в Тульчин, где впоследствии решил множество проблем: с дисциплиной, плохим состоянием больниц, скудным питанием солдат и др. Именно в Тульчине «за чтением и в прямом контакте с декабристами происходило политическое созревание Киселева» (O'Meara, 2010: 270). Отношение генерала к тайному обществу представляет собой открытый вопрос. С одной стороны, автор приводит доказательства контактов с П.И. Пестелем, во время расследования «дела Раевского» П.Д. Киселев дал возможность уничтожить список членов тайного общества. Однако, с другой стороны, высказывает ряд существенных сомнений (O'Meara, 2010: 280).

Среди статей биографического характера отметим также новейшее исследование о творчестве К.Ф. Рылеева (Ricoun, 2012: 436-459). П. Рикун анализирует поэму «Войнаровский», в которой отражены события Северной войны, в частности Полтавской битвы. К.Ф. Рылеев изображает гетмана Мазепу и его племянника Войнаровского, главного героя поэмы, мучениками, борющимися против Российской империи. Основная цель поэмы, по мнению автора, – привлечь новых членов в движение декабристов. Это хорошо иллюстрируется действиями лиц произведения. Сначала в ряды борцов за свободу Мазепа привлекает своего племянника Войнаровского, который затем «вербует» Миллера, и эту цепочку можно развивать и дальше. Примечательно, что поэма представляется незавершенной. «Впечатляя читателя, что история должна продолжаться, Рылеев предлагает... своим читателям вступить на место мученика» (Ricoun, 2012: 453).

Подведем итог анализу обозначенных статей. В англо-американской историографии обращение к жанру биографики, как и в отечественной, стало достаточно популярным. Но здесь мы видим обращение к совершенно другим сюжетам. С одной стороны, достаточную долю работ составляют историко-филологические исследования: ученые стремятся дать новую интерпретацию классическим произведениям, провести аналогии между художественными образами и практической деятельностью декабристов. С другой – многие авторы обращаются к реконструкциям психологических портретов своих протагонистов. Представляется, что как первое, так и второе были связаны с достаточно узкой источниковой базой. Имея возможность работать исключительно с литературными произведениями и опубликованными материалами, зарубежные исследователи вынужденно избирали экстенсивный путь, предлагая новый взгляд на, казалось бы, избитый сюжет.

Обращаясь к работам о движении декабристов в целом, отметим статью Д. Лэнга о британском взгляде на заговор декабристов, в которой рассматриваются доклады лорда Стэнфорда, находившегося в Санкт-Петербурге с дипломатической миссией английского правительства (Lang, 1949: 262-274). Стэнфорд описывает, как послы иностранных государств были приглашены к графу К.В. Нессельроде и им была представлена первая официальная версия произошедшего (Lang, 1949: 264). Сообщения лорда Стэнфорда в Великобритании вызвали опасения, что после восстания декабристов и распространения настроений в армии увеличится вероятность объявления Российской империей войны Турции, что английское правительство пыталось всячески предотвратить. На основе сообщений Стэнфорда автор представляет картину восстания и набор ключевых внешнеполитических проблем, связанных с ним.

Статья Е. Двойченко-Марковой подчеркивает влияние личности Томаса Джефферсона, который был автором Декларации независимости и впоследствии президентом США, на формирование идей и характера мыслей участников движения декабристов (Dvoichenko-Markov, 1950: 162-168). Автор высказывает предположение, что Джефферсон был одним из составителей (наряду с Дестютом де Траси) комментария к трактату «О духе законов». Однако в силу определенных причин он был подписан именем последнего. Впоследствии этот комментарий оказал влияние на идеологию декабристов. П.И. Пестель писал, что эта книга произвела на него серьезное впечатление. После предполагаемой революции в России он сразу же планировал создать временное правительство. «Следуя американскому примеру, П.И. Пестель также планировал, что временное правительство откажется от своей власти» (Dvoichenko-Markov, 1950: 165). Россия по форме правления должна была стать республикой. «Конституция» другого лидера движения, Н.М. Муравьева, была схожа с конституцией США по способу организации исполнительной и законодательной власти и в вопросе о федеративном устройстве государства.

Близкое по тематике исследование принадлежит М. Раеву (Raeff, 1953: 286-293). Автор пишет, что суждения посла США Генри Миддлтона о восстании декабристов иллюстрируют первые оценки России Америкой. Он принял официальную версию, согласно которой целями декабристов были получение личного преимущества и славы. По мнению историка, это восстание было неудачным и может рассматриваться как первое проявление мнения общества и выражение неодобрения самодержавия элитой общества Российской империи, т.е. дворянством. Программы лидеров декабристов П.И. Пестеля, К.Ф. Рыльева, Н.М. Муравьева видятся исследователю туманными и противоречивыми. По мнению американского посла, «самодержавие было единственным подходящим режимом для России, а Россия – наиболее подходящей страной для тирании» (Raeff, 1953: 288). Сначала события 14 декабря воспринимались как некоторое недоразумение среди военных, затем Г. Миддлтон приходит к выводу, что причина этого события лежит гораздо глубже.

В статье «Заполняя разрыв между Радищевым и декабристами» (Raeff, 1967, 395-413) Марк Раев разбивает некий миф о том, что время с 1790 по 1815 годы не могло с революционной точки зрения похвастаться ни сильной личностью, ни какими-то яркими революционными событиями и в целом было «затишьем». Автор рассматривает творчество поэтов-радищевцев И.П. Пнина, И.М. Борна, В.В. Попугаева и др. В их произведениях затрагиваются различные вопросы, в том числе и проблема «рабства». Исследователи пытались усмотреть связь между А.Н. Радищевым и декабристами. Этот интерес был связан с попытками удревнить революционные процессы России. Как мы видим, аналогичная тенденция обозначилась и в зарубежной историографии.

Польскому вопросу в политической практике декабристов посвящена статья Ф.А. Уолкера (Walker, 1970: 43-54). Автор подчеркивает, что сначала декабристы враждебно относились к Польше: «Враждебность к Польше была важным фактором в происхождении русских тайных обществ» (Walker, 1970: 44). Отметим в скобках, что «в советской историографии восприятие этой проблемы было иным: не подвергалась сомнению полонифобия участников Ордена русских рыцарей» (Belousov, Belousov, 2019). Тем не менее, далее Южное общество стало тесно сотрудничать с польским Патриотическим обществом. Как отмечает автор, поляками в большей степени руководило желание получить независимость и территории. Польское Патриотическое общество было более консервативно, чем Северное и Южное общества: так, его члены не стремились убить царя и не считали это основным методом достижения независимости.

Образцом просопографического исследования можно считать статью В. Линколна (Linkoln, 1976: 357-368). Автор анализирует состав декабристских организаций и перечень участников восстаний. Декабристами стали молодые дворяне, получившие хорошее образование, по большей части армейские офицеры, воспитанные в духе либерализма, который присущ первому периоду царствования императора Александра I. Потерявшие иллюзии насчет либеральных государственных преобразований, они поняли, что император не проведет необходимые реформы в политической и социальной сферах. Автор подчеркивает, что «движение декабристов было намного шире, чем просто люди, фигурирующие в исторических сообщениях» (Linkoln, 1976: 358). Исследователь приходит к выводу о теснейшей связи декабристов и их отцов с армией. В.Б. Линколн разделяет декабристов на 4 категории: тех, кто был связан с Обществом соединенных славян, членов Южного общества, членов Северного общества и тех, кто принимал непосредственное участие в восстании на Сенатской

площади. Далее автор более подробно разбирает специфику каждого общества. Так, например, большая часть членов Общества соединенных славян являлась новичками в оппозиционном движении; у Южного общества было твердое ядро членов, которые присоединились к нему с момента основания; Северное общество насчитывало большее число гвардейских офицеров, чем другие общества.

Особенно интересной работой представляется статья М. Банерджи ([Banerjee, 1978: 47-64](#)). В ней автор подробно исследует «Медного всадника» А.С. Пушкина. И хотя поэт не участвовал в восстании 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, он все-таки был связан с декабристами, разделял их политические воззрения и идеи. Действия поэмы, в том числе, разворачиваются на Сенатской площади, уже здесь, по мнению автора, видна аллюзия к декабристам. М. Банерджи улавливает в памятнике «Медный всадник» отождествление лошади с Россией, а всадник, по ее мнению, олицетворяет насильственное и деспотическое правление Петра I. Новаторской идеей исследователю видится расположение главного героя произведения лицом к лицу со статуей: «В этом положении... судьба жертвы готова стать потенциальным узурпатором исторической роли Петра» ([Banerjee, 1978: 58](#)). Можно утверждать, что М. Банерджи видит в тексте поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» скрытую аллгорию на восстание декабристов и его подавление.

Неожиданный взгляд на поэзию декабристов предлагает М. Зиолковски ([Ziolkowski, 1986, 29-44](#)). Анализируются стихотворения, посвященные историческим темам, прежде всего князьям Древней Руси. Причиной такого интереса автор считает, во-первых, военные победы русских над французской армией в войне 1812 года и последующий за ней Заграничный поход, в котором участвовали многие из декабристов, способствовали росту националистических настроений. Декабристы идеализировали эпоху Древней Руси, и особенно киевский период. И это, безусловно, отражалось в их литературных произведениях. Также в Европе в это время были очень популярны романы Скотта, что тоже пробуждало интерес к Средневековью в России. Огромное влияние на декабристов оказала «История государства Российского» М.Н. Карамзина. «Святой князь» рассматривался декабристами как воплощение гражданской добродетели, осуществляющий самопожертвование ради других людей. М. Зиолковски подчеркивает, что декабристы также использовали терминологию средневекового Новгорода в своих проектах конституций: «в обоих случаях они хотели возродить старые идеалы, которые соответствовали их собственным убеждениям» ([Ziolkowski, 1986: 41](#)).

Заслуживает внимания статья Л.А. Тригос, в которой рассматривается вопрос о конструировании образа декабриста ([Trigos, 2002: 283-300](#)). Ю.Н. Тынянов «ремифологизирует декабристов, опираясь на некоторые русские культурные мифы, отвергая при этом другие» ([Trigos, 2002: 283](#)). Поэтому В.К. Кюхельбекер предстает как недалекий, чудаковатый человек. При этом на восстание огромное влияние оказывает архитектурный облик Петербурга, отражающий ценности общества. Автор пишет, что Ю.Н. Тынянов преуменьшает роль людей, личности в историческом процессе, в восстании, а акцентирует внимание на неодушевленных предметах, подчеркивает безумные, лишённые всякой логики поступки заговорщиков. Автор подводит итог: «Тынянов возрождает миф о декабристе, переключив внимание на обманщика..., видит и использует подрывной потенциал мифа» ([Trigos, 2002: 297](#)). Таким образом, автор раскрывает особенности работы, которая, в свою очередь, в советской историографии создает новый, нетипичный взгляд на восстание декабристов.

События в России после восстания декабристов отражены в статье Д. Бира ([Beer, 2013: 528-551](#)). Автор рассматривает заговор в Зерентуе, когда один из ссыльных, находясь в нетрезвом состоянии, совершил донос, и участников предполагаемого заговора, среди которых находился Сухинов, активно участвовавший в восстании Черниговского полка, тотчас же арестовали. После расследования участники заговора были приговорены к смерти и казнены. Д. Бир видит в плохо подготовленном, раскрытом заговоре реконструкцию самого восстания декабристов. По мнению автора, главным результатом является то, что заговор «смоделировал убеждение режима в том, что признаки декабря 1825 года не были побеждены» ([Beer, 2013: 551](#)), что стало основой курса охранительных учреждений при Николае I.

Таким образом, мы видим, что линия развития англо-американской историографии существенно отличалась от основных тенденций генезиса этой тематики в СССР и России. В 1940-е годы произошло оформление сталинской революционной концепции декабризма, прежде всего в трудах М.В. Нечкиной. И долгие годы ее основные тезисы не оспаривались, а являлись аксиоматическими, с которыми большинство советских исследователей вынужденно или специально соглашалось, то есть наблюдался процесс конкретизации и уточнения отдельных положений доминирующей правительственной концепции. В трудах зарубежных историков мы подобного обнаружить не можем. Следует отметить как широкий разброс тем для исследования, так и не менее богатый арсенал исследовательских приемов. Принципы экономического декабризма не нашли поддержки и вызвали исключительно критические отзывы. При этом ученые стремились по-новому интерпретировать ряд узловых для истории движения сюжетов.

5. Заключение

Подведем основные итоги статьи. Англо-американская историография сформировалась под существенным влиянием русских историков-эмигрантов, а поэтому органически в себя впитала основные постулаты отечественной дореволюционной историографии. Распространение экономического детерминизма и культивирование позитивизма, с одной стороны, и серьезный идеологический пресс – с другой, привели к возникновению сталинской концепции движения декабристов. Как показано в статье, ни зарубежные коллеги, ни современные историки так и не приняли ее основные постулаты. Англо-американская историография стала развиваться в противоположном ключе. Анализ рецензий показывает, что иностранные историки видели искусственность построенных на базе марксизма историографических конструктов и не были готовы поддержать восхищение надуманной революционностью декабристов. В противовес этому использовались самые разнообразные исследовательских приемы. В сравнении с российским материалом оформилось в самостоятельную и востребованную тему изучение литературного наследия декабристов. Подобный, как сказано выше, экстенсивный путь развития можно объяснить скудными возможностями доступа к архивным материалам, а значит, узостью источниковой базы. В результате многие сюжеты, которые сегодня преподносятся как новый взгляд на декабристов, уже не раз были озвучены в зарубежной историографии.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-5578.2018.6 «Движение декабристов: от историографии к исторической памяти».

Литература

- Белоусов, 2019 – Белоусов М.С. Споры о трибунах сырых казематов // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2019. Т. 64. Вып. 3. С. 1158-1171.
- Дворниченко, Белоусов, 2017а – Дворниченко А.Ю., Белоусов М.С. Движение декабристов в творчестве Георгия Вернадского // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 2. С. 358-374.
- Дворниченко, Белоусов, 2017б – Дворниченко А.Ю., Белоусов М.С. Вернадский о французских истоках русской революции // *Клио*. 2017. № 10. С. 191-202.
- Переяра, 2012 – Переяра Н.Г.О. Мысли и уроки Михаила Карповича // Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX веков). М.: Русский путь, 2012. С. 7-23.
- Adams, 1953 – Adams A. E. The Character of Pestel's Thought // *The American Slavic and East European Review*. 1953. Vol. 12, no. 2, 1953 (April). Pp. 153–161.
- Banerjee, 1978 – Banerjee M. Pushkin's "The Bronze Horseman": An Agonistic Vision // *Modern Language Studies*. 1978. Vol. 8, no. 2 (Spring). Pp. 47-64.
- Beer, 2013 – Beer D. Decembrists, Rebels, and Martyrs in Siberian Exile: The "Zerentui Conspiracy" of 1828 and the Fashioning of a Revolutionary Genealogy // *Slavic Review*. 2013. Vol. 72, no. 3. Pp. 528-551.
- Belousov, Belousov, 2019 – Belousov M.S., Belousov A.S. The Beginning of Congress Poland in the Discourse of the French Press // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija*. 2019. Т. 64. Вып. 4. (v pechati).
- Dvoichenko-Markov, 1950 – Dvoichenko-Markov E. Jefferson and the Russian Decembrists // *The American Slavic and East European Review*. 1950. Vol. 9, no. 3 (October). Pp. 162-168.
- Gooding, 1988b – Gooding J. Speransky and Baten'kov // *The Slavonic and East European Review*. 1988. Vol. 66, no. 3 (July). Pp. 400-425.
- Gooding, 1988a – Gooding J. The Decembrists in the Soviet Union // *Soviet Studies*. 1988. Vol. 40, no. 2 (April). Pp. 196-209.
- Hardy, 1988 – Hardy D. Review. Dekabrist M. S. Lunin by S. B. Okun // *The American Historical Review*. 1988. Vol. 93, no. 1. P. 196.
- Haskett, 1965 – Haskett J. Decembrist N.A. Bestuzhev in Siberian Exile, 1826–55 // *Studies in Romanticism*. 1965. Vol. 4, no. 4 (Summer). Pp. 185-205.
- Lang, 1949 – Lang D.M. The Decembrist Conspiracy Through British Eyes // *The American Slavic and East European Review*. 1949. Vol. 8, no. 4 (December). Pp. 262-274.
- Linkoln, 1976 – Linkoln W.B. A Re-examination of Some Historical Stereotypes: An Analysis of the Career Patterns and Backgrounds of the Decembrists // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*. 1976. Bd. 24, nr. 3. Pp. 357-368.
- Leighton, 1980 – Leighton L.G. Bestuzhev-Marlinskii's "The Frigate Hope": A Decembrist Puzzle // *Canadian Slavonic Papers*. 1980. Vol. 22, no. 2 (June). Pp. 171-186.
- Leighton, 1983 – Leighton L. G. Puskin and Marlinskij: Decembrist allusions // *Russian Literature*. 1983. Vol. 14, no. 4. Pp. 351-382.
- Lednicki, 1951 – Lednicki W. Pushkin, Tyutchev, Mickiewicz and the Decembrists: Legend and Facts // *The Slavonic and East European Review*. 1951. Vol. 29, no. 73 (June). Pp. 375-401.

- O'Bell, 1979 — O'Bell L.C. Review. Literaturno-kriticheskie raboty dekabristov by L. G. Frizman // *The Slavic and East European Journal*. 1979. Vol. 23, no. 2 (Summer). Pp. 265-266.
- O'Meara, 2010 — O'Meara P. General P. D. Kiselev and the Second Army HQ at Tul'chin, 1819–29 // *The Slavonic and East European Review*. 2010. Vol. 88, no. 1/2. Pp. 261-290.
- Raeff, 1953 — Raeff M. An American View of the Decembrist Revolt // *The Journal of Modern History*. 1953. Vol. 25, no. 3 (September). Pp. 286-293.
- Raeff, 1967 — Raeff M. Filling the Gap between Radishchev and the Decembrists // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26, no. 3 (September). Pp. 395-413.
- Raeff, 1977 — Raeff M. Review. Dukh revoliutsionnykh preobrazovaniia... Iz istorii formirovaniia ideologii i politicheskoi organizatsii dekabristov 1816–1825 // *The Russian Review*. 1977. Vol. 36, no. 1 (January). Pp. 86-87.
- Raeff, 1987 — Raeff M. Review. Izbrannye trudy: Revoliutsionnoe dvizhenie v Rossii v XIX v. by N.M. Druzhinin and S.S. Dmitriev // *The Russian Review*. 1987. Vol. 46, no. 4. P. 447-448.
- Riasanovsky, 1986 — Riasanovsky N. V. Review. Dekabrysty i vneshniaia politika Rossii by O. V. Orlik // *The American Historical Review*. 1986. Vol. 91, no. 1 (February). Pp. 151-152.
- Ricoun, 2012 — Ricoun P. The Maker of Martyrs: Narrative Form and Political Resistance in Ryleev's "Voinarovskii" // *The Russian Review*. 2012. Vol. 71, no. 3 (July). Pp. 436-459.
- Stone, 1953 — Stone I. Review. Vosstanie Dekabristov. Materialy; Vosstanie 14 dekabria 1825 g. by M. V. Nechkina; A. S. Griboedov i. Dekabrysty by M. V. Nechkina; Severnoe obschestvo Dekabristov by K. A. Aksenov; Izbrannye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniia Dekabristov by I. Ia. Shchipanov; Zapiski, stat'i, pis'ma Dekabrista I. D. Iakushkina by V. G. Bazanov // *The Journal of Modern History*. 1953. Vol. 25, no. 2 (June). Pp. 187-189.
- Trigos, 2002 — Trigos L.A. An Exploration of the Dynamics of Mythmaking: Tynianov's Kiukhlia // *The Slavic and East European Journal*. 2002. Vol. 46, no. 2 (Summer). Pp. 283-300.
- Vucinich Wayne, 1982 — Vucinich Wayne S. Anatole Gregory Mazour (1900–1982) // *The Russian Review*. 1982. Vol. 41, no. 3. P. 362–364.
- Walker, 1969 — Walker F.A. K. F. Ryleev: A Self-Sacrifice for Revolution // *The Slavonic and East European Review*. 1969. Vol. 47, no. 109(July). P. 436–446.
- Walker, 1970 — Walker F.A. Poland in the Decembrists' strategy of revolution // *The Polish Review*. 1970. Vol. 15, no. 2 (Spring). P. 43–54.
- Walker, 1979 — Walker F. A. Reaction and Radicalism in the Russia of Tsar Alexander I: The Case of the Brothers Glinka // *Canadian Slavonic Papers*. 1979. Vol. 21, no. 4 (December). P. 489–502.
- Ziolkowski, 1986 — Ziolkowski M. Hagiography and History: The Saintly Prince in the Poetry of the Decembrists // *The Slavic and East European Journal*. 1986. Vol. 30, no. 1 (Spring). P. 29–44.

References

- Adams, 1953 — Adams A. E. (1953). The Character of Pestel's Thought. *The American Slavic and East European Review*. Vol. 12, no. 2, pp. 153-161.
- Banerjee, 1978 — Banerjee M. (1978). Pushkin's "The Bronze Horseman": An Agonistic Vision. *Modern Language Studies*. Vol. 8, no. 2, pp. 47-64.
- Beer, 2013 — Beer D. (2013). Decembrists, Rebels, and Martyrs in Siberian Exile: The "Zerentui Conspiracy" of 1828 and the Fashioning of a Revolutionary Genealogy. *Slavic Review*. Vol. 72, no. 3, pp. 528-551.
- Belousov, 2019 — Belousov M.S. (2019). Disputes about Speaking from their Cells. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 64, Is. 3, pp. 1158-1171.
- Belousov, Belousov, 2019 — Belousov M.S., Belousov A.S. (2019). The Beginning of Congress Poland in the Discourse of the French Press. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 64, Is. 4 (in press).
- Dvoichenko-Markov, 1950 — Dvoichenko-Markov E. (1950). Jefferson and the Russian Decembrists. *The American Slavic and East European Review*. Vol. 9, no. 3, pp. 162-168.
- Dvornichenko, Belousov, 2017b — Dvornichenko A.Yu., Belousov M.S. (2017). Vernadskii o frantsuzskikh istokakh russkoi revolyutsii [Vernadsky on the French origins of the Russian revolution]. *Klio*. No. 10, pp. 191-202. [in Russian]
- Dvornichenko, Belousov, 2017a — Dvornichenko A.Yu., Belousov M.S. (2017). Dvizhenie dekabristov v tvorchestve Georgiya Vernadskogo [Decembrist movement in the creativity of George Vernadsky]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62, issue 2, pp. 358-374. [In Russian]
- Gooding, 1988b — Gooding J. (1988). Speransky and Baten'kov. *The Slavonic and East European Review*. Vol. 66, no. 3, pp. 400-425.
- Gooding, 1988a — Gooding J. (1988). The Decembrists in the Soviet Union. *Soviet Studies*. Vol. 40, no. 2, pp. 196-209.
- Hardy, 1988 — Hardy D. (1988). Review. Dekabrist M. S. Lunin by S. B. Okun // *The American Historical Review*. Vol. 93, no. 1, p. 196.
- Haskett, 1965 — Haskett J. (1965). Decembrist N. A. Bestuzhev in Siberian Exile, 1826–55. *Studies in Romanticism*. Vol. 4, no. 4, pp. 185-205.

- Lang, 1949 — Lang D.M. (1949). The Decembrist Conspiracy Through British Eyes. *The American Slavic and East European Review*. Vol. 8, no. 4, pp. 262-274.
- Linkoln, 1976 — Linkoln W.B. (1976). A Re-examination of Some Historical Stereotypes: An Analysis of the Career Patterns and Backgrounds of the Decembrists. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*, Bd. 24, nr. 3, pp. 357-368.
- Leighton, 1980 — Leighton L.G. (1980). Bestuzhev-Marlinskii's "The Frigate Hope": A Decembrist Puzzle. *Canadian Slavonic Papers*. Vol. 22, no. 2, pp. 171-186.
- Leighton, 1983 — Leighton L.G. (1983). Puskin and Marlinskij: Decembrist allusions. *Russian Literature*. Vol. 14, no.4, pp. 351-382.
- Lednicki, 1951 — Lednicki W. (1951). Pushkin, Tyutchev, Mickiewicz and the Decembrists: Legend and Facts. *The Slavonic and East European Review*. Vol. 29, no. 73, pp. 375-401.
- Norman G.O. Pereira, 2012 — Norman G.O. Pereira (2012). Mysli i uroki Mikhaila Karpovicha [Thoughts and lessons of Mikhail Karpovich]. *Karpovich M.M. Lektsii po intellektual'noi istorii Rossii (XVIII — nachalo XX veka)*. Moscow: Russkii put', pp. 7-23. [in Russian]
- O'Bell, 1979 — O'Bell L.C. (1979). Review. Literaturno-kriticheskie raboty dekabristov by L. G. Frizman. *The Slavonic and East European Journal*. Vol. 23, no. 2, pp. 265-266.
- O'Meara, 2010 — O'Meara P. (2010). General P. D. Kiselev and the Second Army HQ at Tul'chin, 1819–29. *The Slavonic and East European Review*. Vol. 88, no. 1/2, pp. 261-290.
- Raeff, 1953 — Raeff M. (1953). An American View of the Decembrist Revolt. *The Journal of Modern History*. Vol. 25, no. 3, pp. 286-293.
- Raeff, 1967 — Raeff M. (1967). Filling the Gap between Radishchev and the Decembrists. *Slavic Review*. Vol. 26, no. 3, pp. 395-413.
- Raeff, 1977 — Raeff M. (1977). Review. Dukh revoliutsionnykh preobrazovaniia... Iz istorii formirovaniia ideologii i politicheskoi organizatsii dekabristov 1816–1825. *The Russian Review*. Vol. 36, no. 1, pp. 86-87.
- Raeff, 1987 — Raeff M. (1987). Review. Izbrannye trudy: Revoliutsionnoe dvizhenie v Rossii v XIX v. by N.M. Druzhinin and S. S. Dmitriev. *The Russian Review*. Vol. 46, no. 4, pp. 447-448.
- Riasanovsky, 1986 — Riasanovsky N.V. (1986). Review. Dekabristy i vneshniaia politika Rossii by O. V. Orlik. *The American Historical Review*. Vol. 91, no. 1, pp. 151-152.
- Ricoun, 2012 — Ricoun P. (2012). The Maker of Martyrs: Narrative Form and Political Resistance in Ryleev's "Voinarovskii". *The Russian Review*. Vol. 71, no. 3, pp. 436-459.
- Stone, 1953 — Stone I. (1953). Review. Vosstanie Dekabristov. Materialy; Vosstanie 14 dekabria 1825 g. by M. V. Nechkina; A. S. Griboedov i. Dekabristy by M. V. Nechkina; Severnoeobschestvo Dekabristov by K. A. Aksenov; Izbrannye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniia Dekabristov by I. Ia. Shchipanov; Zapiski, stat'i, pis'ma Dekabrista I. D. Iakushkina by V. G. Bazanov. *The Journal of Modern History*. Vol. 25, no. 2, pp. 187-189.
- Trigos, 2002 — Trigos L.A. (2002). An Exploration of the Dynamics of Mythmaking: Tynianov's Kiukhlia. *The Slavonic and East European Journal*. Vol. 46, no. 2, pp. 283-300.
- Vucinich Wayne, 1982 — Vucinich Wayne S. (1982). Anatole Gregory Mazour (1900–1982). *The Russian Review*. Vol. 41, no. 3, pp. 362-364.
- Walker, 1969 — Walker F.A. (1969). K.F. Ryleev: A Self-Sacrifice for Revolution. *The Slavonic and East European Review*. Vol. 47, no. 109, pp. 436-446.
- Walker, 1970 — Walker F.A. (1970). Poland in the Decembrists' strategy of revolution. *The Polish Review*. Vol. 15, no. 2, pp. 43-54.
- Walker, 1979 — Walker F.A. (1979). Reaction and Radicalism in the Russia of Tsar Alexander I: The Case of the Brothers Glinka. *Canadian Slavonic Papers*. Vol. 21, no. 4, pp. 489-502.
- Ziolkowski, 1986 — Ziolkowski M. (1986). Hagiography and History: The Saintly Prince in the Poetry of the Decembrists. *The Slavonic and East European Journal*. Vol. 30, no. 1, pp. 29-44.

Главные направления развития англо-американской историографии о движении декабристов

Михаил Сергеевич Белоусов ^{a, *}, Татьяна Васильевна Лебенкова ^a, Дарья Булатовна Пушкина ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье авторы обращаются к англо-американской историографии сюжетов, связанных с движением декабристов. Исследователи подробно анализируют материалы научных журналов. Линия развития англо-американской историографии существенно отличалась от основных

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: m.belousov@spbu.ru (М.С. Белоусов),
t.v.lebenkova@gmail.com (Т.В. Лебенкова), d.pushkina@spbu.ru (Д.Б. Пушкина)

тенденций генезиса этой тематики в СССР и России, но в отечественной историографии данная проблематика мало изучена. Отечественные исследователи детально проработали как основополагающие сюжеты декабризма (организация тайных обществ, день восстания, следствие по делу декабристов), так и плавно из этого вытекающие (внутриполитические проблемы России первой четверти XIX века, вопрос о крепостном праве и т. д.). В 1940-е годы в СССР произошло оформление сталинской революционной концепции декабризма и на долгие годы ее основные тезисы не оспаривались, а являлись аксиоматическими, с которыми большинство советских исследователей вынужденно или специально соглашалось. Англо-американская историография развивалась в противоположном ключе. Анализ научных статей и рецензий на работы советских историков показывает, что иностранные историки видели искусственность построенных на базе марксизма историографических конструктов и не были готовы поддержать восхищение надуманной революционностью декабристов. В противовес этому использовались разнообразные исследовательские парадигмы. Работы англо-американских авторов в большей степени отличались реализацией мультидисциплинарности: историко-филологические исследования оформились в самостоятельное направление. Свойственный зарубежным авторам экстенсивный путь развития можно объяснять скудными возможностями доступа к архивным материалам, а значит, узостью источниковой базы. Отдельно следует подчеркнуть, что многие сюжеты, которые в настоящее время преподносятся, как новый взгляд на декабристов уже были озвучены англо-американскими исследователями.

Ключевые слова: англо-американская историография, общественное движение, декабристские общества, восстание 14 декабря, декабристы, историки-эмигранты.